

—задаетъ вопросъ Вс. О. Миллеръ. Можно ли предположить, говоритъ онъ, что племя иранское, создавшее этотъ образъ, повидимому въ глубокой древности, хотѣло выразить имъ, что давшій клятву долженъ глубоко воспринять ее, подобно пищѣ, какъ-бы проникнуться ею, сознавая свою нравственную отвѣтственность?

Авторъ замѣтки не допускаетъ такой мысли по той причинѣ, что такая символика чужда первобытнымъ племенамъ. Едва ли племени, создавшему это выраженіе, представлялось возможнымъ „ѣсть“ что-нибудь невидимое, отвлеченное, а не матеріальное, говоритъ онъ. Поэтому г. Миллеръ ищетъ причину такого образнаго выраженія въ другомъ, и думаетъ, что выраженіе „ѣсть клятву“ указываетъ на какой-нибудь практиковавшійся при принесеніи клятвы обрядъ, при которомъ нѣчто дѣйствительно съѣдалось. А потому онъ указываетъ на обычай, практиковавшійся у скифовъ, описанный Геродотомъ, гдѣ говорится, что при клятвенномъ договорѣ съ кѣмъ-бы то ни было, скифы наливали въ большую глиняную

чашу вина и примѣшивали къ нему кровь договаривавшихся, сдѣлавъ уколъ шиломъ или небольшой надрѣзъ ножомъ на тѣлѣ, затѣмъ погружали въ чашу мечъ, стрѣлы, сѣкиру и дротики.

По совершеніи этого обряда они долго молились, а затѣмъ пили смѣсь какъ сами договаривающіеся, такъ и достойнѣйшіе изъ присутствующихъ.

Исходя изъ этого, авторъ замѣтки склоненъ сказать, что скифы пили клятву.

Но можемъ ли мы согласиться съ послѣднимъ выводомъ Вс. О. Миллера уже потому, что это-же самое клятвенное выраженіе произносится и инородцами нашего русскаго Туркестана тюркскимъ словомъ: „касам ичтымъ“, т. е. *присягу выпить*, а глаголь „присягать“, они произносятъ „касам ичмакъ“ — *выпить присягу*.

Во всякомъ случаѣ было-бы весьма желательно разобратъ въ этомъ крайне интересномъ вопросѣ. Будемъ надѣяться, что специалисты, заинтересованные замѣткой почтеннаго ученаго, выскажутся по этому вопросу. А. Диваевъ.

КИРГИЗСКІЯ БОЛѢЗНИ И СПОСОБЫ ИХЪ ЛЕЧЕНІЯ.

Киргизъ Чимкентскаго уѣзда, Акташской волости, Мулла-Али Махдибаевъ въ запискахъ своихъ о разныхъ болѣзняхъ излагаетъ, что между киргизами очень часто можно встрѣтить болѣзнь, которая носитъ названіе *Силь* или *Кокрякъ-куртъ*, т. е. грудной червь. Болѣзнь эта выражается въ гнѣвн легкихъ и въ кашлѣ. Подвергшійся этой болѣзни субъектъ страдаетъ очень долгое время, доходитъ до полного истощенія и, высохши какъ скелетъ, неминуемо умираетъ. Отъ болѣзни этой, какъ говоритъ Махдибаевъ, никакого спасенія нѣтъ; тѣмъ не менѣе, какъ присуще всему человечеству, киргизы предпринимаютъ всевозможныя мѣры до конца.

Другая болѣзнь, *Кокъ-джоталь*, — (сѣрый, или сѣній кашель), которой подвержены преимущественно старики, выражается въ сильномъ приступѣ сухого кашля, настолько сильномъ, что человекъ не въ состояніи въ это время вздохнуть; онъ синѣетъ отъ удушья, въ концѣ концовъ извергаетъ отъ сильнаго напряженія принятую имъ пищу и питье и даже бываетъ не въ силахъ удержать урины. Болѣзнь эта продолжительна; отъ нея гибнетъ немало дѣтей.

Чтобы излѣчиться отъ *Кокъ-джоталья*, киргизы прибѣгаютъ къ разнымъ способамъ леченія.

Напрямѣръ, даютъ больному сосать перо отъ крыла сизоворонки, съ которымъ онъ не долженъ разставаться, пока не почувтъ облегченія. Если же это средство не помогаетъ, подкарауливаютъ путника, идущаго на *сѣрой* лошади и въ *сѣрой* одеждѣ, и спрашиваютъ его, чѣмъ лечитъ *Кокъ-джоталь*. Затѣмъ продѣлываютъ съ больнымъ то, что посоветовалъ путникъ на *сѣрой* лошади и въ *сѣрой* одеждѣ. Но самымъ лучшимъ и надежнымъ средствомъ противъ „сѣраго кашля“ считается у киргизовъ бульонъ изъ мяса *сѣраго* козленка.

По словамъ киргиза бывшей Ногай-Курдской волости, Чимкентскаго уѣзда, Иркембека Ахенбекова, *Кокъ-джоталь* киргизы лечатъ еще молокомъ отъ *сѣрой* ко-

ровы; подойникъ для такого молока во время доенія коровъ не долженъ касаться земли.

Даютъ также пить больному желчь сѣрой коровы или какого-то горнаго звѣря *Кокбакъ кулджа*. Если и эти средства безсильны, то одинъ изъ близкихъ больного отправляется на большую дорогу, сидитъ тамъ въ ожиданіи перваго встрѣчнаго проезжающаго, и какъ только покажется такой, немедленно обращается къ нему съ вопросомъ, чѣмъ лечить *Кокъ-джоталь*, проезжающій отвѣчаетъ, и рекомендованное имъ лекарство принимается къ больному.

Очень любопытно сообщеніе Муллы Али Махдибаева о томъ, какъ киргизы врачуютъ прочія болѣзни. Напримѣръ, какъ лечитъ „баксы“ душевно больныхъ, или, по выраженію киргизовъ, людей *побитыхъ джиннами*. Они берутъ такого больного, подвергаютъ его отчитыванію „календарей“ ордена, *джежріе* и заставляютъ бѣгать. Собственно названные „календари“ ничего не читаютъ; они только, окруживъ больного, выкрикиваютъ громко: „*hy! hy! Алла—hy! Алла—hy!*“ Это значитъ: „О, Боже! О, Боже!“¹⁾ Все это лечение продолжается отъ трехъ дней до одного мѣсяца. Если положеніе больного немного улучшится отъ такого способа леченія, то закалываютъ одно животное, варятъ его мясо и ѣдятъ, тщательно собирая кости въ шкуру зарѣзаннаго животного. Затѣмъ забираютъ шкуру эту вмѣстѣ съ костями и вывѣшиваютъ съ больнымъ въ открытую степь, или на развѣтвленіе двухъ дорогъ. Здѣсь въ степи, или между развѣтвленіями дорогъ, изгоняютъ заговоромъ недугъ больного²⁾. Нѣкоторые же баксы берутъ голый черепъ помянутаго зарѣзаннаго животного, окрашиваютъ его въ черныи и красный цвѣта, вкладываютъ за пазуху больного и, протаскивъ подъ нимъ, бросаютъ черепъ и убѣгаютъ прочь,

1) „Ху“ у мистиковъ — одно изъ „прекраснѣйшихъ именъ Божіихъ“, собственно означаетъ Онъ (т. е. Богъ). Сущій; соответствуетъ еврейскому *יהוа* (въ формѣ обращенія „я, Ху“ или „я, Хуа“).

2) Къ этимъ заговорамъ мы еще вернемся потомъ.

захвативъ больного³⁾. И вотъ *джинны* и *аджина*⁴⁾, сидѣвшіе до сего времени въ больномъ, набрасываются на этотъ черепъ, гложутъ его и, увлеченные этимъ, остаются на мѣстѣ, а баксы, пользуясь тѣмъ временемъ, быстро удаляются съ больнымъ, который потомъ, избавившись отъ присутствія джинновъ и аджина, якобы выздоравливаетъ.

Если и перечисленные средства не помогаютъ, то родственники душевно больного прибѣгаютъ уже къ помощи ишана, прося, чтобы онъ отчиталъ больного. Если и это послѣднее, главное средство окажется тщетнымъ, несчастнаго больного начинаютъ держать постоянно на привязи.

Далѣе Махдибаевъ трактуетъ о томъ, какъ киргизы лечатъ еще три болѣзни, а именно: болѣзнь сердца (*юракъ-ярулганъ*, лопнувшая печень), ревматизмъ и, наконецъ, болѣзнь подъ названіемъ *кирна*.

Первый изъ этихъ недуговъ, а именно *юракъ-ярулганъ*, происходитъ якобы отъ сильнаго испуга. Симптомы болѣзни этой выражаются въ томъ, что желудокъ больного не перевариваетъ принятой пищи и извергаетъ ее тотчасъ-же обратно. При этомъ больной, чувствуя жестокиа боли подъ сердцемъ, мечется во всѣ стороны. Въ такихъ случаяхъ нѣкоторые киргизы рѣжутъ какое либо животное, извлекаютъ изъ него сердце и прикладываютъ къ сердцу больного. Затѣмъ берутъ чашу, наполняютъ ее водой, ставятъ на голову больному и бросаютъ въ нее заранѣе накаленные въ огнѣ камни, при паденіи которыхъ вода въ чашѣ начинаетъ отъ кипѣнія урчать. При чемъ киргизы, подражая этимъ

3) Такіе раскрашенные черепа мнѣ приходилось ранѣе встрѣчать иногда въ степи, но я не зналъ тогда значенія ихъ. Объ этихъ черепахъ см. также этнографическіе очерки киргизовъ Х. Кустанаева, стр. 47 изд. 1894 года.

4) *Джинны*—это злые духи, демоны, имѣющіе роковое вліяніе на участь всего живущаго. Джинны цѣлыми лѣгіонами разлетаются по всему свѣту, искушаютъ людей, вселяются въ человека и животныхъ и мучаютъ ихъ. Джинны раздѣляются на нѣсколько категорій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны *албасти* и *марту*. См. Х. Кустанаева, стр. 42.

Аджина—это тоже джиннъ, но только женскаго пола.

звукамъ, выкрикиваютъ „курк!“, „курк!“, что въ то же время означаетъ въ переводѣ „бойся“ (повелительное наклоненіе отъ куркмакъ).

Второй недугъ, описываемый Махдибаевымъ, это ревматизмъ. Если у кого либо ломить руку или ногу, то прибѣгаютъ къ слѣдующему средству. Собираютъ кости разныхъ животныхъ, ссыпаютъ ихъ въ одну яму; на яму ставятъ табуретку, которую накрываютъ одѣяломъ. Затѣмъ берутъ горячій пловъ и, прикладывая его къ больнымъ мѣстамъ страдающаго, запариваютъ. Если же ревматизмъ хроническій и настолько сильный, что больной отъ тяжкихъ страданій лишенъ сна, то берутъ котелъ, вставляютъ его въ землю на равнѣ съ краями, спускаютъ въ котелъ желудокъ⁵⁾ лошади, зарѣзанной въ минувшемъ году, накрываютъ котелъ киргизской камышевой чіей и кипятятъ означенный желудокъ; больного же укладываютъ на этотъ чій, набросивъ на него одѣяло, и вотъ онъ потѣя на пару, засыпаетъ и получаетъ исцѣленіе, не взирая даже на то, если-бы у него были на тѣлѣ и опухоли отъ ревматизма.

Въ заключеніе Махдибаевъ ведетъ рѣчь о болѣзни *кирна*. Одержимый такою болѣзнию человекъ страдаетъ коликами въ животѣ. Въ такихъ случаяхъ берутъ изъ очага горячую золу, кладутъ ее въ фарфоровую полоскательную чашку, накрываютъ сверху платкомъ, подогнувъ концы подъ чашку, и, взявъ за эти концы, прикладываютъ къ животу больного. Если же боли въ животѣ мучительнѣе, чѣмъ при болѣзни *кирна*, то эта болѣзнь называется уже *саткакъ* и лечится такъ: рѣжутъ чернаго козла, извлекаютъ изъ него легкое съ сердцемъ, что у насъ въ просторѣчій называется *гусакомъ*, и долго бьютъ имъ больного, раздѣвъ до нага, отчего послѣдній потѣетъ и выздоравливаетъ.

„А впрочемъ, Богъ лучше знаетъ!“ — восклицаетъ Махдибаевъ, кончая свое повѣствованіе.

А. Диваевъ

⁵⁾ Въ котелъ опускается не желудокъ, а со держимое въ немъ, которое специально заешивается и приберегается для выше упомянутого случая.

КИРГИЗСКІЯ БОЛѢЗНИ и способы ихъ леченія.

(Окончаніе *).

Продолжая повѣствованіе о киргизскихъ болѣзняхъ, на этотъ разъ остановимся на тѣхъ именно недугахъ, которые у кочевниковъ преимущественно лечатся заговоромъ и заклинаніями. Болѣзни эти слѣдующія: куйдурги, кокча, или по сартовски джаргы, колгунъ, лихорадка, зубная боль и т. д. Укушенныхъ же ядовитыми насѣкомыми, или пресмыкающимися, непременно подвергаютъ заклинанію и заговору **).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ киргизы прибѣгаютъ къ помощи *арбаучи*, который исключительно занимается нашептываніемъ волшебныхъ причитаній и заклинаній.

По мнѣнію профессора Н. Ѳ. Катанова, занятія баксы и арбаучи суть остатки прежняго шаманства, ужившіеся въ исламъ благодаря только призыванію именъ Соломона, Давида, Мухаммеда и другихъ святыхъ.

Болѣе или менѣе извѣстными арбаучи, по словамъ Муллы-Али Махдибаева, рукописями котораго мы теперь пользуемся, въ Чимкентскомъ уѣздѣ считаются киргизы: *Айту*, проживающій въ Алатавскихъ горахъ, *Абулфаизъ*, по прозвищу Абултай, кочующій по Сыръ-дарьѣ, по направленію къ городу Туркестану, *Имамбекъ*, киргизъ, Бадамской волости, и другіе.

Предѣстникомъ болѣзни, которая по сартовски называется *джаргы*, а по киргизски *кокча*, считается рана, которая появляется на пальцѣ ноги или руки, или же просто на какомъ либо суставѣ. Рана очень долго и упорно держится на тѣлѣ, разрушая въ то же время кость. Иногда случается, что отпадаетъ цѣлый палецъ

*) См. № 80 *Туркестанскихъ Вѣдомостей* за 1902 годъ.

**) О такихъ заклинаніяхъ см. *Туркестанскія Вѣдомости* № 7, за 1893 годъ ст. А. А. Диваева: „Волшебный заговоръ противъ укуса ядовитыхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся“, и „Извѣстія общества археологій, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ“ т. XV, вып. 3. 1899 года, статья того-же автора: „Изъ области киргизскихъ вѣрованій. Баксы, какъ лекарь и колдунъ“.

звукамъ, выкрикиваютъ „курк!“, „курк!“, что въ то же время означаетъ въ переводѣ „бойся“ (повелительное наклоненіе отъ куркмакъ).

Второй недугъ, описываемый Махдибаевымъ, это ревматизмъ. Если у кого либо ломить руку или ногу, то прибѣгаютъ къ слѣдующему средству. Собираютъ кости разныхъ животныхъ, ссыпаютъ ихъ въ одну яму; на яму ставятъ табуретку, которую накрываютъ одѣяломъ. Затѣмъ берутъ горячій пловъ и, прикладывая его къ больнымъ мѣстамъ страдающаго, запариваютъ. Если же ревматизмъ хроническій и настолько сильный, что больной отъ тяжкихъ страданій лишенъ сна, то берутъ котелъ, вставляютъ его въ землю на равнѣ съ краями, спускаютъ въ котелъ желудокъ⁵⁾ лошади, зарѣзанной въ минувшемъ году, накрываютъ котелъ киргизской камышевой чіей и кипятятъ означенный желудокъ; больного же укладываютъ на этотъ чій, набросивъ на него одѣяло, и вотъ онъ потѣя на пару, засыпаетъ и получаетъ исцѣленіе, не взирая даже на то, если-бы у него были на тѣлѣ и опухоли отъ ревматизма.

Въ заключеніе Махдибаевъ ведетъ рѣчь о болѣзни *кирна*. Одержимый такою болѣзнию человекъ страдаетъ коликами въ животѣ. Въ такихъ случаяхъ берутъ изъ очага горячую золу, кладутъ ее въ фарфоровую полоскательную чашку, накрываютъ сверху платкомъ, подогнувъ концы подъ чашку, и, взявъ за эти концы, прикладываютъ къ животу больного. Если же боли въ животѣ мучительнѣе, чѣмъ при болѣзни *кирна*, то эта болѣзнь называется уже *саткакъ* и лечится такъ: рѣжутъ чернаго козла, извлекаютъ изъ него легкое съ сердцемъ, что у насъ въ просторѣчій называется *гусакомъ*, и долго бьютъ имъ больного, раздѣвъ до нага, отчего послѣдній потѣетъ и выздоравливаетъ.

„А впрочемъ, Богъ лучше знаетъ!“ — восклицаетъ Махдибаевъ, кончая свое повѣствованіе.

А. Диваевъ

⁵⁾ Въ котелъ опускается не желудокъ, а со держимое въ немъ, которое специально заеушивается и употребляется для выше упомянутого случая.

КИРГИЗСКІЯ БОЛѢЗНИ и способы ихъ леченія.

(Окончаніе *).

Продолжая повѣствованіе о киргизскихъ болѣзняхъ, на этотъ разъ остановимся на тѣхъ именно недугахъ, которые у кочевниковъ преимущественно лечатся заговоромъ и заклинаніями. Болѣзни эти слѣдующія: куйдурги, кокча, или по сартовски джаргы, колгунъ, лихорадка, зубная боль и т. д. Укушенныхъ же ядовитыми насѣкомыми, или пресмыкающимися, непременно подвергаютъ заклинанію и заговору **).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ киргизы прибѣгаютъ къ помощи *арбаучи*, который исключительно занимается нашептываніемъ волшебныхъ причитаній и заклинаній.

По мнѣнію профессора Н. О. Катанова, занятія баксы и арбаучи суть остатки прежняго шаманства, ужившіеся въ исламъ благодаря только призыванію именъ Соломона, Давида, Мухаммеда и другихъ святыхъ.

Болѣе или менѣе извѣстными арбаучи, по словамъ Муллы-Али Махдибаева, рукописями котораго мы теперь пользуемся, въ Чимкентскомъ уѣздѣ считаются киргизы: *Айту*, проживающій въ Алатавскихъ горахъ, *Абулфайзъ*, по прозвищу Абултай, кочующій по Сыръ-дарьѣ, по направленію къ городу Туркестану, *Имамбекъ*, киргизъ, Бадамской волости, и другіе.

Предѣстникомъ болѣзни, которая по сартовски называется *джаргы*, а по киргизски *кокча*, считается рана, которая появляется на пальцѣ ноги или руки, или же просто на какомъ либо суставѣ. Рана очень долго и упорно держится на тѣлѣ, разрушая въ то же время кость. Иногда случается, что отпадаетъ цѣлый палецъ

*) См. № 80 *Туркестанскихъ Вѣдомостей* за 1902 годъ.

**) О такихъ заклинаніяхъ см. *Туркестанскія Вѣдомости* № 7, за 1893 годъ ст. А. А. Диваева: „Волшебный заговоръ противъ укуса ядовитыхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся“, и „Извѣстія общества археологій, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ“ т. XV, вып. 3. 1899 года, статья того-же автора: „Изъ области киргизскихъ вѣрованій. Баксы, какъ лекарь и колдунъ“.

руки или ноги, смотря по тому, гдѣ появилась рана; въ лучшемъ случаѣ, больной лишается одного сустава пальца. По характеру болѣзни, это, вѣроятно, костоѣда.

Здѣсь необходимо замѣтить, что и у сартовъ есть болѣзнь, носящая названіе „кокча“, но ничего общаго съ киргизской кокчей не имѣющая. Сартовская „кокча“ — просто злокачественный вередъ.

Арбаучи, который заговариваетъ больного, долженъ быстро, не переводя духъ, насколько только хватить у него силъ, хлопая все время въ ладоши, повторять слѣдующія слова заговора:

„Акча, не акча, Кокча, не Кокча!...“

Пожаловала ты къ намъ гостьей,

Да усѣлась только не на указанномъ мѣстѣ.

Вѣдь ты дѣтенышъ беркута, любезная моя,

Ты matka молодого беркута,

Ты ноготокъ беркута пестраго!...

(Но помни), я остріе булатнаго ножа...

О, выходи немедленно, по дуновенію Сулеймана!“

Когда арбаучи чувствуетъ, что онъ уже задыхается, то дѣлаетъ сильный вздохъ на больного, вскрикнувъ: *гуфъ, чыкъ!* Такихъ глубокихъ вздоховъ, съ приговариваніемъ помянутыхъ выше бессмысленныхъ фразъ, нѣкоторые арбаучи дѣлаютъ отъ трехъ до семи разъ, а другіе, какъ увидимъ ниже, гораздо больше. „И если Богу угодно послать исцѣленіе, говоритъ Махдибаевъ, то рана страдающаго начинаетъ засыхать, и онъ въ концѣ концовъ выздоравливаетъ“.

Куйдурги (сибирская язва) можетъ появиться въ любой части человѣческаго тѣла. Если только не распознать ея во время и не выжечь появившуюся язву раскаленнымъ желѣзомъ или гвоздемъ, или же, наконецъ, не подвергнуть больного заклинанію или заговору арбаучи, то недугъ принимаетъ угрожающіе размѣры и имѣетъ безусловно смертельный исходъ. Во время

*) Слова эти обращены къ фалангѣ. Нѣкоторые туземцы „куленгеромъ“ называютъ породистыхъ куръ, которыя несутъ крупныя яйца; другіе понимаютъ подъ этимъ названіемъ породство, большой размѣръ и т. д. Въ сказкѣ Гульханы Куленгеръ-султаномъ названъ сынъ Филипа, за котораго сватали дочь совы.

болѣзни больной чувствуетъ сильный жаръ, жажду, и его все время клонитъ ко сну.

Болѣзни *колгуна* (сифились) и вообще другія злокачественныя язвы, равно какъ и укусы кара-курта, змѣи и т. д. — лечатся также заговоромъ или заклинаніемъ.

Привступая къ заклинанію, арбаучи садится противъ больного, взявъ предварительно въ руки сорокъ сухихъ шариковъ бараньяго помета. Затѣмъ онъ начинаетъ произносить слова заклинанія, не переводя духъ, до тѣхъ поръ, пока не въ силахъ будетъ сдерживать дыханіе. Тогда онъ, сдѣлавъ глубокий вздохъ на больного, выбрасываетъ изъ рукъ на землю одинъ изъ помянутыхъ шариковъ, а затѣмъ опять приступаетъ къ заклинанію, опять черезъ извѣстное время дѣлаетъ вздохъ на больного, выбрасывая другой шарикъ, и т. д. до конца, пока не выброситъ изъ рукъ все сорокъ шариковъ.

Вотъ слова заклинанія:

„О, Куленгеръ, Куленгеръ, долговязый Куленгеръ *)!“

Я ломаю твой шатеръ, налетѣвъ, какъ храбрый воинъ;

О, выходи, по дуновенію пророка Сулеймана!

Надѣвъ на голову племъ, я предсталъ предъ тобою.

Вѣдь съ молодю еще я сталъ твоимъ другомъ,

Отчего не привѣтствуешь меня?

Такъ не принуждай меня краснѣть предъ собравшимся (народомъ)....

Чтѣ меня близкимъ другомъ,

Выходи-же, по дуновенію пророка Сулеймана!...

О, насѣкомое съ верблюжьей головой,

Я заставлю тебя выйти, не шути со мной

И не терзай бѣднаго больного.

О, если я разгнѣваюсь, напущу морозу и снѣгу,

Окружу тебя лебедой и солянкой,

Огорожу тебя колючкой и отстегаю мятой *).

*) Травы: алабута (лебеда), сура (солянка), и джалбызъ (мята), какъ отзываются туземцы, имѣютъ цѣлебное свойство противъ яда насѣкомыхъ.

О, выходи, пока не поздно, по дуновению Сулеймана!!“...

Послѣ того какъ арбаучи выбросить изъ рукъ сороковой, т. е. послѣдній шарикъ, ядъ насѣкомаго, попавшій въ тѣло укушеннаго человѣка, яко-бы, подходитъ къ отверстию ранки и, оледенѣвъ, застываетъ тамъ. А чтобы ядъ обратно не распространился по тѣлу, арбаучи беретъ шелковую или обыкновенную нитку и, произнеся надъ нею слова заклинанія, завязываетъ этой ниткой ужаленное или укушенное мѣсто, послѣ чего больной, будто-бы, выздоравливаетъ.

А. Диваевъ.

Персидскій атабекъ-азамъ (предсѣдатель совѣта министровъ) АЛИ-АСКАРЪ-ХАНЪ-ЭМИНЪ-ЗЕДЪ-СУЛТАНЪ, убитый въ Тегеранѣ 18 авг., на 50-мъ году своей жизни.

Баксы.

Слово баксы происходитъ отъ джатайскаго бахши, что означаетъ: лекарь, шалганъ, ворожея, колдунъ и т. д. Баксы называются преимущественно тѣ киргизскіе лекаря, которые имѣютъ сношеніе съ духами и даже власть надъ ними. Въ наше время уже баксы не имѣютъ того значенія, какимъ онѣ обладали прежде. Тѣмъ не менѣе дѣло рѣдко обходится безъ него; его можно встрѣтить и у постели трудно-больнаго, и на свадебныхъ пиршествахъ; у перваго онъ является въ качествѣ лекаря, а на послѣднихъ присутствуетъ какъ жрецъ или колдунъ, предсказывающій будущность молодыхъ. Въ обоихъ случаяхъ баксы прибѣгаетъ къ помощи бѣсовъ и духовъ. А чтобы пациенты безусловно вѣрили связи его съ нечистыми, каждый баксы имѣетъ нѣкоторую ловкость въ магическихъ фокусахъ, напр., пропускаетъ смычекъ своего кобызя сквозь ребра, или вонзаетъ себѣ ножъ въ животъ, глотаетъ иглы и т. д. Въ Перовскомъ уѣздѣ намъ пришлось встрѣтить баксы, который поразительно хорошо зналъ чревовѣщаніе; когда онъ приступилъ къ вызыванію духовъ своихъ и уже находился почти въ изступленіи, до насъ явственно стали доноситься хрюканіе свиней, рычаніе и лай собакъ, ржаніе жеребятъ, блеяніе ягнятъ и т. д.

Во время сеанса баксы не перестаетъ играть на своемъ кобызѣ и призывъ его прерывается только при наступленіи полного изнеможенія. Онъ тогда напоминаетъ связаннаго сумасшедшаго буйнаго характера, глаза покрываются кровью; ему чудится, какъ постепенно къ нему являются духи и бѣсы. Къ каждому изъ нихъ онъ обращается отдѣльно, называя его по имени и описывая наружность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Затѣмъ уже баксы въ изступленіи теряетъ всякую способность не только говорить, но даже издать голосъ.

Ниже мы приводимъ самый призывъ

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

2-й экз.

Годъ 22-й.

Кн. LXXXIV.—LXXXV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1910, № 1. 2.

Подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла *В. В. Миллера,*
Товарища Предсѣдателя Н. А. Янгука

и

Секретаря *В. В. Богданова.*

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1910.

СМѢСЬ.

Киргизскій заговоръ противъ укуса ядовитыхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся.

Благодаря служебному положенію, намъ приходилось имѣть постоянныя столкновенія съ кочевыми туземцами Сыръ-Дарьинской области.

Интересуясь бытомъ ихъ, какъ народа мало еще изслѣдованнаго въ этнографическомъ отношеніи, мы, насколько это возможно, стараемся отмѣчать все тѣ факты изъ обыденной жизни этихъ степняковъ, кои, въ силу ихъ особенности, являются болѣе или менѣе интересными.

На этотъ разъ остановимся мы на заклинаніи ядовитыхъ насѣкомыхъ, змѣй и т. п.

Нерѣдко киргизы подвергаются укусу или ужаленію разныхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся: змѣй, скорпіоновъ, фалангъ, кара-куртовъ и т. д.

Цивилизованные народы въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи медицины. Но у киргизъ на этотъ случай есть свой избавитель—это арбаучи. Онъ занимается исключительно заговариваніемъ и нашептываніемъ волшебныхъ причитаній, коими вызываетъ изъ норъ змѣй, фалангъ, скорпіоновъ и кара-куртовъ, для того, чтобы уничтожить въ нихъ ядъ.

По словамъ киргиза Перовскаго уѣзда, Кысь-Бугутской волости, Пирмухаммеда Тойтанова, арбаучи приступаетъ къ своему волшебному заговариванію—такъ:

Вступленіе.

О, истинный пророкъ Сулейманъ, единый пророкъ Сулейманъ! ¹⁾
Вызываю тебя на помощь!....

¹⁾ Пророкъ Сулейманъ (Соломонъ), сынъ пророка Дауда (Давида), по преданію, вѣдалъ языки всѣхъ животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и т. д.

О, пророкъ Даудъ! выжимающій жиръ ¹⁾,
 Обладающій необыкновенной силой, жду тебя!
 О, пророкъ Ана-діяръ, о пророкъ Аша-діяръ!
 Внемлите моему зову, спѣшите ко мнѣ на помощь!

Приказаніе.

Обращаюсь къ тебѣ, фаланга, выходи (изъ норы) скорѣе,
 Ты во власти Камбара ²⁾;
 Спѣши, не медля, своимъ появленіемъ,
 Онъ предсталъ предъ тобою;
 Если даже на нору твою обрушится каменная гора,
 Не взирай на то, выходи смѣло!...
 Выходи, вцѣпившись въ верблюжью лапу,
 Если въ этотъ моментъ попадетъ она (лапа) въ твою
 нору.

Похвалы.

О, фаланга! движенія твои быстрѣ пущенной стрѣлы,
 Бѣжишь ты проворнѣе быстротекущей воды....
 Вылети же (изъ норы) быстрѣ полета ласточки,
 Прилети ко мнѣ, словно ястребъ перепелятникъ —
 И явись предо мной, какъ на ладони!
 О, кленгеръ, кленгеръ! Баба-назаръ-кленгеръ ³⁾
 Выходи съ трескомъ, съ шумомъ и громомъ....
 О мой быстрохватающій, истребляющій, ретавѣйшій!..
 О, кленгеръ, кленгеръ! норка твоя уподоблена
 Пестрой, черной и разузоренной ножнѣ!

Угрозы.

Я изображаю собой жилище фаланги,
 Я кровь кара-курта,

¹⁾ По преданію, пророкъ Даудъ отличался неестественной силой. Напримѣръ, взявъ въ руки желѣзо, онъ обращался съ нимъ, какъ съ тѣстомъ и выжималъ изъ него жиръ.

²⁾ Камбаръ былъ величайшій вызыватель (изъ норъ) пресмыкающихся и ядовитыхъ насекомыхъ.

³⁾ Слова эти также обращены къ фалангѣ. Некоторые туземцы кленгеромъ называютъ породистыхъ куръ, которыя несутъ крупныя яйца, другіе понимаютъ подъ этимъ названіемъ дородность, великость и т. д. Въ сказкѣ же Гульханы, Кленгеръ-султаномъ названъ сынъ филина, за котораго сватали дочь совы. А. Д.

Я каса-курбашъ ¹⁾,
 Я болѣзнь, посланная Имъ (Богомъ)!..
 Я клещъ, впивающійся въ фалангу,
 Я лезвіе алмазной (острой) пашки,
 Я полная луна! ²⁾
 Я сѣмя адрасбана ³⁾,
 Я цвѣтъ ала-буты (лебеды),
 Я конецъ остраго ножа!....
 Предстань же предо мной, какъ по дуновенію Сулеймана;
 Иначе искалѣчу тебя, какъ калѣчить иногда Всевышній,
 И опущу въ быструю рѣку.
 О, кленгеръ! выходи же на зовъ
 Опрокидывающаго вверхъ дномъ вселенную!....
 Джилау (травя), растущій подъ джингиломъ (гребенщикомъ),
 Джалбызъ (мята) душистый и кекре ⁴⁾,
 Найдутъ тебя и уничтожатъ.
 О, фаланга, фаланга!
 Ты почернѣла отъ моихъ заговоровъ,
 Подобно уроду съ растерзанной селезенкой!....
 О, фаланга! привязаль я тебя
 Силою волшебнаго заклинанія,
 Заковаль тебя я цѣпями Сулеймана!

Заклинаніе ⁵⁾

Арысыны, курысыны, муртыны, чуртыны, кырганы, киритканы,
 чуя, чуя, чига, чига, бара, бара, дава, дава, ашиндау, бушиндау,
 дариндау, мирандау, килюки, килю сасыръ, бары-була, бары-була,
 исиндау, фишиндау, имандау, шимандау, чны, чны, чны би, чны
 ходжа тны би, худай бастанъ, менъ джастанъ, чига берсунъ беръ
 бастанъ.

А. Диваевъ.

1) Представитель ядовитыхъ насѣкомыхъ.

2) По сказанію туземцевъ, скорпіоны, фаланги и кара-курты въ полнолу-
 ніе не оставляютъ своихъ норъ, по другимъ свѣдѣніямъ—наоборотъ.

3) Адрасбанъ—это дикая рута. Употребляется въ бухарской медицинѣ подъ
 названіемъ „хазоръ-асбандъ“, т. е. тысяча потребъ. Сѣменами этого расте-
 нія окружаютъ не только вновь родившихся животныхъ, но иногда и дѣтей.—
 Бухарскіе дуваны (юродивые) одуряютъ себя дымомъ этихъ сѣмянъ; почет-
 ному гостю также бросаютъ въ жаровню горсть ихъ. А. Д.

4) Травы: кекре, джилау и джалбызъ, какъ отзываются туземцы, имѣютъ
 цѣлебное свойство противъ яда насѣкомыхъ.

5) Заклинаніе это не переводимо.

А. Д.